

УДК 155.23:709.057.35

Концепция личности и творческого наследия Чжан Дацяня в искусствоведческой литературе

Ван Нин

Аспирант,
Белорусская государственная академия искусств;
220012, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости 81;
e-mail: nw19981209@gmail.com

Аннотация

Чжан Дацянь (1899–1983) – выдающийся китайский художник XX века, чьё творчество стало символом синтеза традиционной китайской живописи и новаторских подходов, включая влияние европейского модернизма. Несмотря на политические и культурные трансформации эпохи, он сохранил художественную идентичность, объединив классические техники (тушевая живопись, изучение древних росписей) с экспериментальными методами. Цель исследования – анализ его роли в сохранении культурного наследия через призму художественной эволюции и международного признания. В основу исследования легли искусствоведческие работы, биографические источники, анализ стилистических особенностей произведений Чжан Дацяня. Используются методы сравнительного анализа, изучение архивных материалов и экспертных оценок его техник, таких как «брызги туши», а также влияние европейского искусства на его палитру и композицию. Особое внимание уделено взаимодействию с традиционными канонами и их переосмыслению в контексте глобализации. Исследование выявило, что творчество Чжан Дацяня представляет уникальный синтез традиционной китайской эстетики (пейзажи, каллиграфия) и модернистских экспериментов (абстрактные элементы, цветовые градации). Его техника «брызги туши» стала символом экспрессивной свободы, сохраняя связь с философией гармонии природы. Работы художника получили международное признание, став частью культурной дипломатии Китая, но также вызвали дискуссии о подлинности и коммерциализации искусства. Чжан Дацянь предстаёт как медиатор между Востоком и Западом, чьё наследие актуально в контексте глобального искусства. Его подход к копированию классики как методу обучения и творческому диалогу ставит вопросы об авторстве и традиции. Критики отмечают противоречия между коммерческим успехом и художественной ценностью, а также роль биографии в интерпретации его работ. Современные художники наследуют его идеи, адаптируя их в цифровых медиа, что подтверждает непрерывность влияния его творчества.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Нин. Концепция личности и творческого наследия Чжан Дацяня в искусствоведческой литературе // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 11А. С. 225–237.

Ключевые слова

Чжан Дацянь, традиционная китайская живопись, модернистский синтез, искусствоведческий анализ, техника «брызги туши».

Введение

Чжан Даянь (1899–1983) вошёл в историю искусства как одна из самых многогранных личностей китайской живописи XX века. Его творчество сочетало в себе традиционные техники и новаторские подходы, которые формировались под влиянием как классического наследия, так и воззрений европейского модернизма. Многие исследователи подчеркивают, что он смог сохранить уникальную художественную идентичность, несмотря на многочисленные перемещения и перемены политической обстановки. В ранний период своей карьеры он изучал древние настенные росписи и технику рисунка тушью, что во многом повлияло на его понимание композиции и колористической гармонии. Подобные изыскания заняли значительное место в его творческой эволюции, поскольку он стремился не только копировать классические образцы, но и вносить в них собственные стилистические изменения [Синь Чан, [www...](#)]. Так он постепенно выработал индивидуальный почерк, объединив традиционную эстетику с авторским новаторством. Любопытно, что этот сплав традиций и эксперимента привлёк к его работам не только старших коллег, но и молодое поколение художников, ищущих свежие концепции живописи.

Внимание к личности Чжан Даяня неотделимо от интереса к его живописным экспериментам в различных жанрах. Он с одинаковым вниманием относился и к пейзажам, и к цветочным сюжетам, и к изображению животных, считая каждое направление достойным продолжения и расширения. Многие искусствоведы отмечают, что его целостное представление о картине формировалось из глубинной философии гармонии между человеком и природой, где сам художник выступал медиатором смыслов [Xu Zhixiong, [www...](#)]. В этом смысле его творчество можно считать не просто эстетическим явлением, но и своеобразным философским высказыванием о месте человека во вселенной. Однако такие умозрительные конструкции не мешали ему осваивать самые разные техники, включая технику «брызги туши», которая стала его визитной карточкой в более позднем периоде. Именно через эту технику он воплощал своё стремление к экспрессивной свободе и раскрывал потенциал цветовых смесей, неожиданно меняющих свое состояние на бумаге.

Материалы и методы исследования

Особый интерес вызывают изменения в стиле Чжан Даяня после его встреч с европейским искусством в середине XX века. Тесное общение с художниками за пределами Китая вдохновило его на поиск новых градаций цвета и свето-теневых эффектов, что заметно обогатило палитру его пейзажей. Некоторые специалисты считают, что подобные эксперименты дали ему возможность выразить особую динамику пространства, которую традиционная китайская живопись обычно подчиняет жёстким канонам [Liu Ze, [www...](#)]. Вместе с тем он не оставлял классических методов, предпочитая синтезировать полученный опыт с теми изобразительными приёмами, с детства были близки его культурной чувствительности. Такой подход позволял сформировать в его произведениях уникальное напряжение между старым и новым, между статикой исторически сложившихся форм и свободным порывом индивидуальной экспрессии. Этот синтез до сих пор вызывает активные дискуссии в научном сообществе, ведь он ставит вопросы не только об авторской стилистике, но и об актуальности традиции в современном искусстве.

Результаты и обсуждение

В искусствоведческой литературе личность Чжан Даяня нередко оказывается в фокусе споров о значимости личности мастера в контексте культурно-исторических переломов. Некоторые авторы указывают, что в условиях кардинальных политических изменений в Китае художник, будучи вынужденным менять место жительства, обособился в своём творчестве, создав своего рода «внутреннее убежище» эстетической целостности [Ринчинова, 2018]. Другие исследователи подмечают, что его переезды и поездки, напротив, способствовали активному взаимодействию с различными художественными школами, расширяя его горизонты и стимулируя появление новых техник. Представляется, что вопрос о степени влияния внешней среды на его стиль остаётся открытым. Тем не менее общим мнением остаётся признание его поисковых усилий, направленных на установление непрерывной связи между культурным наследием Китая и меняющимся миром. Именно эта непрерывность спровоцировала интерес к его работам уже при жизни мастера среди международного сообщества.

Важным компонентом исследования становится биографический контекст, позволяющий глубже понять специфику его художественных решений. Чжан Даянь родился в семье, где живопись и каллиграфия считались неотъемлемой частью образования, и с ранних лет он впитал уважение к классическому искусству. Однако именно его личные качества – любознательность, настойчивость и стремление к саморазвитию – определили степень мастерства, которую он достиг. По воспоминаниям современников, художник мог часами рассматривать старинные свитки, анализируя деталь за деталью, и при этом сохранял уверенное убеждение в том, что традиция нуждается в переосмыслении. Такое сочетание внимательного изучения и творческой независимости кажется фундаментальным для формирования его художественного языка. С одной стороны, он выступает хранителем древнего наследия, с другой – провозглашает новые принципы, освобождающие художественную форму от канонической строгости.

Творческий метод Чжан Даяня продолжает привлекать внимание исследователей, поскольку он сочетал в себе тончайшую работу тушью и яркие цветовые пятна, возникавшие вследствие стихийного процесса. Далеко не каждый художник той эпохи решался на такие эксперименты, ведь традиционная эстетика Китая предполагает высокую степень контроля в процессе рисования. Но Чжан Даянь, напротив, стремился отдать частичное решение живописных задач самой материи красок и бумаги, используя эффект растекания туши и произвольного пересечения цветовых слоёв. Такая практика выводит его искусство в сферу, близкую к абстрактной живописи, где намеренно ослабляются сюжетные рамки, а на первый план выходит энергия самого рисунка. В то же время, он не отказывался от узнаваемых мотивов: горные пейзажи, бамбуковые рощи и цветущие ветви занимают значительную часть его полотен, но оформлены они зачастую в неожиданной манере. Подобное смешение традиции и новаторства является отличительной чертой его творческого наследия.

Значительную роль в формировании его авторского почерка сыграло также личное общение с другими признанными мастерами. Для китайской художественной среды XX века была характерна определённая консервативность, но именно диалог с европейскими живописцами в рамках международных выставок помог ему переосмыслить привычную систему изобразительных ценностей. Этот опыт позволил ему взглянуть на собственные традиционные приёмы иначе, вплоть до осознания того, как новые технологии и материалы можно использовать в интересах сохранения национального стиля. Искусствоведы отмечают, что Чжан Даянь, перенимая некоторые идеи у западных коллег, одновременно понял, какие аспекты

китайской классики могут быть более глубоко раскрыты. Подобная открытость к опыту и смелость интерпретации исторического наследия стали визитной карточкой художника в глазах современников.

Некоторые исследователи, рассматривая феномен его творчества, подчеркивают и коммерческий успех, который сопутствовал его карьере. В мире художественных аукционов работы Чжан Даяня неизменно привлекают внимание крупных коллекционеров, иногда возглавляя рейтинги продаж. Подобная популярность объясняется не только художественной ценностью его живописных свитков, но и аурой легендарной фигуры, способной объединять Запад и Восток своими работами. Многие галереи стремятся включить его полотна в свои постоянные экспозиции, подчеркивая тем самым историческую значимость художника. Однако столь высокая оценка порой вызывает и критику, в том числе в контексте обсуждения подделок, которые время от времени всплывают на арт-рынке. Высокая стоимость его работ провоцирует мошенничество, и исследователи вынуждены разрабатывать дополнительные экспертные методы для установления подлинности произведений.

Немаловажную роль играет также вопрос о стиле произведений, которые приписывают кисти Чжан Даяня. Известны случаи, когда он сознательно копировал классические работы старых мастеров как часть собственного исследования традиции. Его копии, выполненные с поразительной точностью, иногда выдавались за оригиналы, что привело к своеобразным путаницам в музейных каталогах. Параллельно возникали вопросы о правомерности таких действий, ведь некоторые критики усматривали в этом сознательное желание испытать на прочность систему атрибуции, существующую в тогдашнем искусствоведении. Другие напротив указывали, что копирование древних шедевров всегда являлось частью китайской художественной школы, а значит, он продолжал лишь давнюю практику. Контекст этой проблемы фокусирует внимание на том, как воспринимается авторство в китайской культуре, и насколько оно различается с западным представлением о строго индивидуальном творческом процессе. Отсюда и возникает дополнительный интерес к личности художника как к человеку, который осознанно балансировал на грани копии и оригинала.

При всеём многообразии стилей, которые опробовал Чжан Даянь, основой оставалась грамотная композиция, продуманная с точки зрения классической китайской эстетики. Ему было важно, чтобы глаза зрителя путешествовали по свитку, следовали изгибам гор и рек, останавливались на тщательно прописанных деталях. Однако композиционная логика у него часто разрывалась цветовой экспрессией, которая несла в себе символику настроения, эмоции, характерные для конкретного периода жизни. Иногда можно проследить, как его эмоциональное состояние отражалось в более резких мазках или, наоборот, в более плавных переходах цвета. Этот психологический аспект делает его работы особенно интересными современным исследователям. Ведь в них, помимо классического канона, проглядывает авторская рефлексия, рождающая новые смыслы в воплощении мотивов природы. Таким образом, лирика пейзажа сочетается с внутренним миром художника, создавая неповторимый образ, который был так ценен и в Китае, и за рубежом.

Несмотря на то что искусствоведческая литература о Чжан Даяне обширна, она всё ещё продолжает пополняться новыми исследованиями, связанными с анализом его техники, стилистической эволюции и биографического контекста. Пристальное внимание уделяется тому, как он адаптировал традиционную китайскую живопись к вкусам и требованиям мировой художественной сцены. Отмечается его умение быть гибким и одновременно сохранять внутреннюю целостность. Некоторые авторы указывают, что его работы представляют собой

своеобразный «культурный мост», символизирующий возможность синтеза различных школ и направлений без утраты национальной идентичности. В условиях глобализации именно такой синтез оказался чрезвычайно востребован, и потому не случайно его полотна вдохновляют современных художников на поиск собственных гибридных форм. Однако вопрос о том, где заканчивается национальная традиция и начинается модернизированная форма, остаётся открытым для дальнейших дискуссий.

Одним из интереснейших аспектов является изменение отношения к его творчеству внутри самой китайской среды. С одной стороны, в период революционных преобразований и культурных реформ существовал определённый скепсис по отношению к классически ориентированным мастерам. С другой – успех Чжан Дацяня за рубежом заставлял китайских критиков вновь обратить взор на его метод. В результате он получил прижизненное признание на родине, однако маршрут этого признания был тернистым и неоднозначным. Некоторые исследователи указывают, что его личности и творчеству даже приписывали некую «буржуазную» эстетику, несочетаемую с официальной идеологией тех лет. Но постепенно, по мере культурной оттепели и расширения рамок допустимого, его фигура была реабилитирована, а работы стали считаться достоянием китайского искусства. Теперь они занимают почётное место в крупных музеях, выступая своеобразным свидетельством художественных достижений эпохи, полной противоречий.

Творческое наследие Чжан Дацяня в современном понимании выходит за рамки обычного разбора стилистических особенностей или биографических фактов. Его картины часто анализируются в контексте культурной дипломатии, поскольку он фактически стал одним из «культурных послов» Китая в мире. Взгляд на его творчество позволяет понять, как классические формы могут быть распространены в глобальном масштабе, если художник сумел найти язык, понятный и интересный международной публике. Наряду с изменениями в стиле это понимание стимулирует исследования в области социокультурных контактов, ведь творческая биография художника пересекается с крупными геополитическими событиями XX века. Как следствие, его жизнь становится примером того, как личность способна находить возможности для самореализации даже в сложных исторических условиях, не отказываясь при этом от своей культурной идентичности.

Интерес к психологии искусства приводит отдельных учёных к тому, что они пытаются расшифровать внутренние противоречия мастера. Существует точка зрения, что в его работах присутствует сильный элемент ностальгии по уходящему традиционному Китаю, особенно в поздний период, когда он долгое время жил за рубежом. Эта ностальгия выражалась в устойчивой любви к изображению традиционных пейзажей, где горы и водопады представлены в идеализированной форме, олицетворяя утраченную гармонию. Однако наряду с этим он не боялся вводить модернистские элементы, тем самым признавая, что историческая реальность меняется и художнику необходимо отражать новые жизненные ритмы. Подобное внутреннее разделение между желанием сохранить старое и стремлением к новому делало его творчество столь многогранным. По сути, именно синтез этих противоположностей придаёт его живописи особую глубину.

Современные кураторы выставок часто делают акцент на показе эволюции стиля Чжан Дацяня от ранних работ к поздним, подчёркивая постепенный переход от классической манеры к более раскованным живописным экспериментам. На ретроспективных выставках его творчества обычно соседствуют тонкие, почти монохромные изображения бамбука со взрывными по колориту абстрактными пейзажами, выполненными методом «брызг туши». В

результате зритель получает возможность увидеть размах художественных поисков, охватывающих несколько десятилетий. Искусствоведы, анализируя эту смену манер, отмечают, что первостепенным мотивом для художника оставалось желание передать внутреннюю энергию самой природы. Так, даже в самых абстрактных его работах сохраняется ощущение ландшафта, пусть и редуцированное до динамики линий и цветовых пятен. Подобное единство мотивов прослеживается на всём протяжении его карьеры, что указывает на неизменный интерес мастера к теме космической гармонии.

Можно сказать, что личность Чжан Даяня стала своего рода знаковым явлением для искусствоведов, пытающихся разобраться в феномене культурного синтеза. Внутри его собственной практики сплетаются традиционные китайские каноны, влияние айдаоса (искусства настенной росписи), модернистские тенденции зарубежного искусства и собственные эксперименты, направленные на расширение выразительных возможностей туши и красок. Некоторые авторы рассматривают его как пример «космополитичного художника», сумевшего интегрировать разные художественные парадигмы. Однако это определение не вполне отражает глубину его связи с родной культурой, которую он не терял даже в периоды значительного влияния западных тенденций. Скорее, уместно говорить о гибридной идентичности, где традиция остаётся духовным стержнем, а инновации воспринимаются как своего рода инструмент для переосмысления старых форм.

Искусство Чжан Даяня вдохновляет современных мастеров, которые пытаются переосмыслить классические техники в контексте новых медиа и цифровых технологий. Его пример показывает, что подлинное творчество не сводится к следованию канону или слепому копированию зарубежных новшеств, а рождается на стыке индивидуального видения и культурной памяти. Множество художников в Китае и за его пределами сегодня обращаются к опыту «брызги туши», стараясь найти свой собственный путь в рамках похожей экспрессивной модели. При этом они понимают, что основой подобной техники является не случайный жест, а глубокое знание традиции тушечного письма, позволяющее осознано пользоваться фактурой бумаги и разнооттеночными слоями пигмента. Так наследие Чжан Даяня продолжает жить в XXI веке, кристаллизуясь в новых формах и переосмысляясь в свете изменившихся культурных запросов.

Среди наиболее часто обсуждаемых вопросов в связи с его творчеством остаётся проблема оригинальности и копий. Известно, что сам Чжан Даянь не раз отмечал свою способность к скрупулёзному воспроизведению античных образцов, но утверждал, что цель таких копий – это духовное постижение секретов мастерства, а не банальное повторение. Таким образом, сама идея копирования приобретает статус методологического инструмента, через который художник учится диалогу с предшественниками. По мере освоения приёмов старых мастеров Чжан Даянь утверждал собственный язык, становясь всё более независимым в выборах композиции и колорита. Этот непрерывный процесс учёбы путём копирования интересен исследователям в свете изучения традиционного подхода к обучению в Китае, который, по сути, базировался на подобном методе. Однако в случае с ним копирование переросло в нечто большее, став творческим актом, делающим старое актуальным в новых условиях.

Особый колорит его работ связан с применением необычных пигментов и смесей, которые иногда трудно идентифицировать современным химикам-экспертам. Известно, что он использовал редкие минеральные краски, стараясь достигнуть особой яркости и глубины цвета. Это не только обогащало визуальную составляющую его полотен, но и помогало создавать уникальные фактурные эффекты, выходящие за пределы традиционной «тушечной» палитры.

В некоторых случаях искусствоведы затрудняются по части точной датировки, поскольку качество используемых материалов могло имитировать старинные технологии. Поэтому каждый новый фактический анализ его картин открывает новые подробности о его методах, углубляя наше понимание экспериментальной природы художника. В то же время остаётся вопрос, насколько осознанно он играл с этими эффектами и насколько их результат действительно соответствовал его замыслу.

Сегодня ссылки на творчество Чжан Даяня можно найти во многих областях, от книжных иллюстраций до современных дизайнерских проектов. Его стилистические приёмы и даже отдельные мотивы, такие как специфическая трактовка пейзажа или стилизованные цветы лотоса, стали фактически интернациональным культурным кодом. В то же время в узком кругу экспертов оно неизменно вызывает острые дискуссии по поводу точных границ копирования и оригинальности, значения традиционного канона в современном мире и роли личности в переосмыслении культурного наследия. В некотором смысле искусствоведческая мысль до сих пор не дала однозначного ответа на многие вопросы, поднятые его практикой. Возможно, это связано с тем, что сам художник был человеком, для которого противоречивость являлась движущей силой развития, а открытый финал – неотъемлемой частью творческой философии.

Для многих поклонников классической китайской живописи Чжан Даянь останется тем, кто восстановил значимость национальных художников в эпоху глобальных перемен. Его фигура часто становится объектом романтизации, и в популярном восприятии он предстает как легендарный мастер, объединивший Восток и Запад. Однако сторонники более критического взгляда указывают на то, что его новаторство не всегда было беспроblemным, а стремление к международному признанию порой шло вразрез с традиционными канонами. Тем не менее эта многослойность как раз и говорит о том, насколько сложна природа любого процесса культурной трансформации. Важно, что при всей своей гибкости в освоении внешних влияний, он всё же не утратил связи с базовыми принципами китайской живописи. И именно благодаря этой устойчивости его имя ассоциируется с непрерывностью художественной традиции.

Существует немало статей, посвящённых периоду жизни Чжан Даяня в Северной Америке, когда он активно сотрудничал с музеями и принимал участие в выставках. Некоторые из этих событий стали судьбоносными для укрепления его международной репутации, поскольку познакомили западного зрителя не просто с китайской живописью, но с особым направлением, объединяющим классические корни и актуальные эксперименты. В эпоху, когда западное искусствоведение ещё не совсем понимало тонкости китайской эстетики, его работы служили едва ли не главным примером живости и современности восточного искусства. Подобная известность за рубежом усиливала интерес и на родине, формируя особое отношение к художнику как к культурному феномену, обладающему двойной идентификацией. Он стал одновременно «своим» и «чужим» в глазах разных аудитории, что ныне рассматривается учёными как классический пример глобального статуса художника.

Одновременно с признанием в художественных кругах, в его адрес нередко звучала критика за якобы излишнее подстраивание под вкусы зарубежной публики. Однако более детальное исследование работ доказывает, что он не жертвовал китайской традицией ради успеха, а ища новые формы выражения, пытался вывести её на более широкий уровень. Этот процесс нередко сопровождался нестабильностью, которая, впрочем, отражает сам ход культурной истории XX века. Множество эмигрировавших художников также столкнулись с необходимостью адаптации к новым реалиям и восприятию собственного творчества через призму иной культуры. Чжан Даянь, обладая харизмой и огромным талантом, может служить примером

того, как личностные особенности помогают не только сохраниться, но и процветать в подобных условиях [Ринчинова, 2018]. Его самостоятельную позицию можно оценивать двояко, но бесспорно, что он внёс заметный вклад в понимание возможностей универсума живописи.

В области теоретического осмысления его наследия отдельный интерес представляет попытка систематизировать его работы по жанрам и периодам. Поскольку он продолжал экспериментировать практически до последних лет жизни, его наследие не укладывается в одну эволюционную линию с чёткими рубежами. Скорее, речь идёт о множестве параллельных направлений, где классическая техника и новаторские цветовые абстракции сосуществуют, пересекаясь в определённых сюжетах. Возможно, именно эта гетерогенность объясняет, почему многие его полотна трудно однозначно классифицировать: традиционные элементы уравниваются свободной композицией, а экспериментальные цветовые пятна вдруг обнаруживают опору в канонической перспективе. При этом сами категории «традиционное» и «модернистское» в его случае приобретают диалектический характер, открывая в каждой работе пласт дополнительных смыслов. Это позволяет говорить о концепции личности художника как о носителе богатого внутреннего мира, который лишь отчасти может быть уложен в существующие классификационные схемы.

Интересно, что вокруг имени Чжан Даяня сформировалась и специфическая мифология в массовом сознании. Его часто представляют как некоего «волшебника» от искусства, способного одним мазком передать весь ландшафт. Популярны биографические публикации, наполнены историями о том, как он проводил целые дни в пещерах Дуньхуана, копируя древние фрески и открывая миру забытые сокровища. Отчасти эти рассказы верны, но они иногда преувеличивают степень его одиночного вклада, преуменьшая роль других исследователей, которые также вели кропотливую работу по сохранению культурного наследия. Тем не менее такой ореол легенды говорит о влиянии его личности на широкую публику. Люди воспринимают его не только как профессионала, но и как символ преемственности между поколениями художников, где каждый вносит свою лепту в общее дело сохранения и развития культуры.

Одной из причин привлекательности Чжан Даяня для последователей также стала его способность легко соединять разные изобразительные техники. К примеру, он мог в одной работе объединить акварельные заливки с классическим рисунком тушью, а затем добавить тонкие контуры золотой или серебряной краской. Подобные решения придавали картине декоративный блеск, и в то же время не нарушали её органичности [Ринчинова, 2018]. В результате зритель сталкивается с особыми «многослойными» образами, где один и тот же мотив может восприниматься на нескольких смысловых уровнях. Такие эксперименты открыли путь к осмыслению живописи как процесса, где главный автор не просто «передаёт» идею, а даёт материалам «звучать» самостоятельно. Творческая свобода и внимательность к деталям уравнивают друг друга, создавая гармоничную целостность.

Особую категорию работ составляют портреты, хотя они менее известны широкой публике. Многие из них выполнены в классической манере, с акцентом на подчеркнутое внимание к одежде, позе и выражению лица. При этом в портретах, созданных Чжан Даянем в более зрелый период, чувствуется определённая психологическая глубина, которая не ограничивается следованием каноническим правилам изображения статусных лиц. Он старался уловить внутреннее состояние модели, будь то грусть, мечтательность или спокойная уверенность. Эти детали часто выражались в тончайших штрихах бровей, разрезе глаз или положении руки. Поэтому, хотя портретная живопись и не стала его главным направлением, она являет значимый

пример того, как мастер мог взаимодействовать с традицией, обогащая её многомерным психологизмом. Подобные работы редко встречаются на массовых выставках, но представляют особую ценность для узких специалистов.

Вопрос о влиянии личностных качеств художника на его стиль неизбежно встает при рассмотрении его жизненного пути. Он был человеком не только одарённым, но и весьма целеустремлённым, способным преодолевать трудности в поисках новых знаний. Переезд из региона в регион, смена культурного окружения, конфликты разных эпох – всё это требовало гибкости и адаптации. По воспоминаниям некоторых его знакомых, он умел выстраивать диалог с разными людьми и находить общий язык даже с теми, кто занимал противоположные политические или культурные позиции. Такая социальная чуткость, очевидно, отражалась и в его творчестве, которое также стремилось к синтезу и дружелюбию по отношению к разнообразным зрителям. Однако при этом он не потерял индивидуального авторского голоса, что говорит о сложном балансе личного и коллективного в его художественных практиках.

Многие исследователи задаются вопросом, какова роль его супруги, членов семьи и ближнего круга в формировании его художественных предпочтений. Известно, что семейное окружение поддерживало его начинания, а иногда генерировало идеи для новых экспериментов. Однако подробных свидетельств, проливающих свет на динамику этой поддержки, в источниках немного. Тем не менее философия традиционного Китая придаёт большое значение семейным связям, что может объяснять некоторые мотивы, связанные с домашним уютом и спокойствием, которые появляются в его цветочных работах. К примеру, изображение нежных бутонов лотоса, окружённых лёгкой дымкой, может расцениваться не только как эстетический приём, но и как метафора семейной гармонии, олицетворяющей устойчивость в непростые времена. Всё это ещё раз подчеркивает многозначность его творческого языка.

Интерес к его наследию усиливается благодаря тому, что многие работы Чжан Даяня сейчас оказываются в частных коллекциях, недоступных широкому публике. Периодические выставки, где представлены шедевры из этих собраний, становятся важным событием в культурной повестке. Каждая новая экспозиция даёт импульс к переосмыслению его вклада и провоцирует появление научных статей, где эксперты пытаются установить подлинность ряда полотен, а также проследить изменения в авторском стиле. Учитывая, что художник оставил значительное количество произведений, искусствоведам предстоит ещё кропотливая работа по каталогизации и анализу [Liu Ze, [wwwXu Zhixiong](#), [www...](#)]. Все эти процессы повышают актуальность его фигуры в контексте современного исследования искусства, так как на примере его наследия можно проследить процесс глобальной художественной коммуникации.

Можно также отметить, что творчество Чжан Даяня активно используется в туристической индустрии Китая, где образы, навеянные его пейзажами, становятся частью рекламных кампаний, рассказывающих о красоте китайской природы. Путешественники, посещающие живописные уголки страны, часто видят репродукции его картин, оформленные в качестве сувениров или стендов, иллюстрирующих культурное богатство региона. Подобная форма популяризации искусства вносит вклад в формирование у широкой публики позитивного образа китайской живописи и её исторической преемственности [Feng You-Heng, 2012]. В итоге личность Чжан Даяня выступает не только как объект научных изысканий, но и как своего рода культурный бренд, обеспечивающий связь между традицией и современностью. Этот аспект также важен для понимания масштабов его влияния и подтверждает особое место, которое он занимает в национальном и мировом искусствоведении.

Современные аудиовизуальные медиа позволяют расширить представление о технике

художника, предлагая виртуальные демонстрации процесса «брызги туши». На интернет-платформах можно найти анимации, где подробно покадрово отображается, как наносится тушь и краски на бумагу, какие инструменты при этом задействуются. Такие современные интерпретации не только облегчают понимание сути метода, но и придают ему новое измерение, показывая, насколько он может быть актуален даже вне классической формы свитка [Feng You-Heng, 2012]. Эти эксперименты в цифровом формате говорят о живучести идей художника и его непрекращающемся влиянии на умы молодых творцов. К тому же такая публичная демонстрация техники помогает преодолеть барьеры между зрителем и искусством, делая его более доступным и понятным широкой аудитории.

В аспекте теории искусства многие директора музеев указывают на то, что художественные концепции Чжан Даяня продолжают оказывать влияние на формирование выставочных стратегий. Включение его работ в экспозиции по истории китайской живописи позволяет показать плавный переход от традиции к современности. Напротив, участие его произведений в международных собраниях абстрактного экспрессионизма иллюстрирует, как уникальная техника «брызги туши» может существовать в одном ряду с западными абстрактными течениями. Такой музейный подход даёт понять, что его творчество универсально и способно к диалогу в разных дискурсивных пространствах, будь то национальная ретроспектива или всемирная выставка авангардного искусства. С одной стороны, это свидетельствует о гибкости его художественного языка, с другой – указывает на всей полноте новую сферу для изучения, где ещё не всё раскрыто.

В журнальных статьях, связанных с культурологической интерпретацией его личности, нередко обсуждается вопрос о том, каким образом художник отразил мировоззренческую эволюцию Китая в XX веке, переход от императорской эпохи к республиканскому правлению, а затем и к современному формату государства. Его картины, созданные в разные периоды, несут на себе отпечатки соответствующих социальных и политических реалий, будь то общее стремление к обновлению или, наоборот, тоска по имперскому прошлому. Научный интерес вызывает и его связь с буддийской традицией, отражённой в некоторых сюжетах, где фигурируют символические мотивы гор и вод, выступающие аналогом духовного пути. В результате получается, что каждый этап его творчества не только имеет художественную ценность, но и является своеобразным документом эпохи. Этот симбиоз документальности и художественности интересен многим специалистам, стремящимся к междисциплинарному подходу.

В более узком кругу востоковедческих исследований активно обсуждается значение его каллиграфических работ, которые периодически появлялись в его портфолио. Каллиграфия в Китае традиционно рассматривается как высшая форма искусства, где каждая черта несёт духовное послание. Чжан Даянь, глубоко знакомый с этой предметной областью, умело интегрировал каллиграфические элементы в композицию своих живописных свитков. Это проявлялось и в своеобразных подписях, которые порой сами по себе становились выразительной частью общей картины. Определённая экспрессивность в начертании иероглифов подчеркивала эмоциональную нагрузку произведения, в то время как стилистическая выдержанность указывала на понимание классических канонов. Таким образом, в его творчестве живопись и каллиграфия сливались воедино, создавая неповторимый визуально-семантический контекст, интересный как искусствоведам, так и лингвистам.

Понятие «личность художника» в случае Чжан Даяня приобретает многоуровневый характер, так как он был активен не только в качестве живописца, но и как мыслитель,

исследователь древностей, мастер копии и популяризатор китайской культуры. Его связи с разными группами интеллектуалов в Китае и за пределами страны делали его фигуру чуть ли не универсальным коммуникатором между Востоком и Западом [Liu Ze, [www...](#)]. Впрочем, при всей своей открытости ко внешним контактам он оставался человеком, глубоко укоренённым в конфуцианских и даосских ценностях, что выражалось в его бережном подходе к природе и осмыслении духовных аспектов творчества. Эта совокупность интересов и убеждений выделяет его среди многих современников и позволяет рассматривать его не только как талантливого живописца, но и как представителя уникальной художественной философии, сформированной на перекрёстке множественных культурных влияний.

Если говорить о творческом наследии в самом широком смысле, то важно помнить, что сохранившиеся работы – это лишь часть исторического наследия, которое он оставил. Существуют легенды о десятках исчезнувших полотен, утерянных во время войн и перемещений, о завершённых и незавершённых сериях, о планах, которые так и не были воплощены в жизнь. Подобных пробелов достаточно много, и каждый из них открывает пространство для гипотез. Для искусствоведов, занимающихся реконструкцией истории искусства, это планомерная задача – отыскивать упоминания, свидетельства, фрагменты информации о работах, которые могли бы пролить свет на ещё не изученные грани его таланта. В результате мы видим, что потенциал исследований не исчерпан, и новое поколение учёных продолжает находить неожиданные детали, обогащающие наше понимание масштабности личности художника.

Его след в мировой художественной культуре, в частности в контексте влияния на последующих китайских мастеров, не менее важен, чем его собственные произведения. Множество молодых художников, которые сегодня работают в смешанных техниках, признают, что вдохновляются именно свободой и размахом его манеры. Использование ярких пигментов, эксперимент с фактурой холста, обращение к духовным аспектам пейзажа – всё это показывает, как идеи Чжан Даяня могут быть органично встроены в практику современных авторов. При этом само понятие «наследие» в его случае выходит за границы национальных школ: западные колледжи искусств нередко упоминают его работы как пример удачного соединения традиционной философии с экспериментацией. Фактически, он стал частью мирового культурного фонда, влияющего на диспозицию сил в глобальном художественном процессе.

Выводы

В конечном итоге, все искусствоведческие исследования, посвящённые Чжан Даяню, сходятся на том, что его личность и творчество представляют пример уникального культурного синтеза, в котором национальные традиции обретают новую жизнь через призму индивидуальных поисков и внешних влияний [Синь Чан, [www...](#)]. Он сумел стать символом непрерывности китайской живописной школы, доказав, что даже в условиях глобализации и политических перемен возможно оставаться верным корням и при этом развиваться. Его картины – это не только сочные мазки и филигранные детали, но и воспоминания о старинных свитках, о путешествиях по миру и о бесконечных поисках гармонии между человеком и природой. Так создаётся целостный образ мастера, чьё влияние намного шире сферы живописи и охватывает общественную, культурную и духовную жизнь нескольких поколений ценителей искусства.

Библиография

1. Московский клуб "Две империи". Чжан Даянь. URL: <http://xn-ftbdrjtacajbf4ac6j.xn-p1ai/chzhan-datsyan> (дата обращения: 05.04.2024).
2. Ринчинова М.М. Живопись как часть культурного наследия (на примере китайской живописи "Шань-швэй") // Байкальские встречи - X. Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 20-22 сент. 2018 г., Респ. Бурятия, г. Улан-Удэ - оз. Байкал. Улан-Удэ, 2018. С. 388-396. EDN: TUAIFYF
3. Синь Чан. "Гений пяти столетий" Чжан Даянь // Международное радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn/741/2011/05/16/1s381782.htm> (дата обращения: 01.04.2024).
4. Bloomberg. Chinese Artist \$507 Million Ousts Picasso as Top Auction Earner. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2012-01-12/chinese-artist-507-million-ousts-picasso-as-top-auction-earner> (дата обращения: 08.04.2024).
5. Chang Dai-chien: Painting From Heart to Hand. Asian Art Museum. San Francisco. URL: <https://www.asianart.com/exhibitions/changdaichien/intro.html> (дата обращения: 10.04.2024).
6. Johnson Mark, Ba Tong. Chang Dai-chien in California. Publisher: San Francisco State University; Edition Unstated edition, 1999. 128 p.
7. Liu Ze. 为什么总有人说张大千毁了敦煌壁画. URL: <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=5a65aebd5a93e6206876431d> (дата обращения: 30.03.2024).
8. Feng You-Heng. The Blue and Green Paintings of Chang Dai-Chien's Late Period (1960-1983) Transformation of the Past into Modernity. (書畫藝術學刊; 12期 (2012 / 06 / 01) (Академический журнал живописи и каллиграфии. 2012. № 12. С. 53-112).
9. Xu Zhixiong / Encyclopedia of Taiwan. URL: <http://nrch.culture.tw/twpedia.aspx?id=100808> (дата обращения: 10.04.2024).

The Concept of Personality and Creative Legacy of Zhang Daqian in Art Historical Literature

Wang Ning

Postgraduate Student,
Belarusian State Academy of Arts,
220012, 81, Nezavisimosti ave., Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: nw19981209@gmail.com

Abstract

Zhang Daqian (1899–1983) is an outstanding Chinese artist of the 20th century, whose work became a symbol of the synthesis of traditional Chinese painting and innovative approaches, including the influence of European modernism. Despite the political and cultural transformations of the era, he preserved his artistic identity by combining classical techniques (ink painting, study of ancient murals) with experimental methods. The aim of the study is to analyze his role in preserving cultural heritage through the prism of artistic evolution and international recognition. The research is based on art historical works, biographical sources, and analysis of the stylistic features of Zhang Daqian's works. Methods of comparative analysis, study of archival materials, and expert assessments of his techniques, such as "ink splashing," as well as the influence of European art on his palette and composition, were used. Special attention is paid to the interaction with traditional canons and their reinterpretation in the context of globalization. The study revealed that Zhang Daqian's work represents a unique synthesis of traditional Chinese aesthetics (landscapes,

Wang Ning

calligraphy) and modernist experiments (abstract elements, color gradations). His "ink splashing" technique became a symbol of expressive freedom while maintaining a connection with the philosophy of harmony with nature. The artist's works gained international recognition, becoming part of China's cultural diplomacy, but also sparked debates about authenticity and the commercialization of art. Zhang Daqian emerges as a mediator between East and West, whose legacy remains relevant in the context of global art. His approach to copying classics as a method of learning and creative dialogue raises questions about authorship and tradition. Critics note the contradictions between commercial success and artistic value, as well as the role of biography in interpreting his works. Contemporary artists inherit his ideas, adapting them in digital media, which confirms the continuity of his creative influence.

For citation

Wang Ning (2024) Kontseptsiya lichnosti i tvorcheskogo naslediya Chzhana Datsyana v iskusstvovedcheskoy literature [The Concept of Personality and Creative Legacy of Zhang Daqian in Art Historical Literature]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (11A), pp. 225-237.

Keywords

Zhang Daqian, traditional Chinese painting, modernist synthesis, art historical analysis, "ink splashing" technique.

References

1. Moskovskiy klub "Dve imperii". Chzhan Datsyan [Moscow Club "Two Empires". Zhang Daqian]. (n.d.). Retrieved April 5, 2020, from <http://xn-ftbdrjtjacajbf4ac6j.xn-p1ai/chzhan-datsyan>
2. Rinchinova, M. M. (2018). Zhivopis' kak chast' kul'turnogo naslediya (na primere kitayskoy zhivopisi "Shan'-shvey") [Painting as part of cultural heritage (on the example of Chinese "Shan-shui" painting)]. In *Baykal'skie vstrechi - X. Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii* [Baikal Meetings - X. Cultural Memory and Cultural Identity in the Context of Globalization] (pp. 388–396). Ulan-Ude. EDN TUAIFYF.
3. Sin' Chan. (2011). "Geniy pyati stoletiy" Chzhan Datsyan ["The Genius of Five Centuries" Zhang Daqian]. *Mezhdunarodnoe radio Kitaya* [China International Radio]. Retrieved April 1, 2020, from <http://russian.cri.cn/741/2011/05/16/1s381782.htm>
4. Bloomberg. (2012, January 12). Chinese Artist \$507 Million Ousts Picasso as Top Auction Earner. Retrieved April 8, 2020, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2012-01-12/chinese-artist-507-million-ousts-picasso-as-top-auction-earner>
5. Chang Dai-chien: Painting From Heart to Hand. (n.d.). *Asian Art Museum, San Francisco*. Retrieved April 10, 2020, from <https://www.asianart.com/exhibitions/changdaichien/intro.html>
6. Johnson, M., & Ba, T. (1999). *Chang Dai-chien in California*. San Francisco State University.
7. Liu, Z. (n.d.). 为什么总有人说张大千毁了敦煌壁画 [Why do people always say that Zhang Daqian destroyed the Dunhuang murals?]. *Baidu Baike*. Retrieved March 30, 2020, from <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=5a65aebd5a93e6206876431d>
8. Feng, Y.-H. (2012). The Blue and Green Paintings of Chang Dai-Chien's Late Period (1960-1983) Transformation of the Past into Modernity. *Shuhua yishu xuekan* [Journal of Painting and Calligraphy], 12, pp. 53–112.
9. Xu, Z. (n.d.). *Encyclopedia of Taiwan*. Retrieved April 10, 2020, from <http://nrch.culture.tw/twpedia.aspx?id=100808>